

В. В. Лебедев

**СЕМЬЯ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КОЛЛЕКТИВ
У НАСЕЛЕНИЯ ПРИТУНДРОВОЙ ПОЛОСЫ
СЕВЕРО-ЗАПАДА ТУРУХАНСКОГО КРАЯ В XIX В.**

В XIX в., как и в наши дни, наиболее значительным по численности этническим компонентом притундровой полосы Туруханского края были северные селькупы — тазовские и баишенские (туруханские) — и тазовские ненцы. Тазовские селькупы обитали в верхнем и среднем течении р. Таз (ныне Красноселькупский район Ямало-Ненецкого автономного округа), баишенские — по р. Турухан и ее притокам Верхнему и Нижнему Баихам (Туруханский район Красноярского края); тазовские ненцы — в среднем течении р. Таз (Тазовский район Ямало-Ненецкого автономного округа)¹.

В XIX в. среди северных селькупов и тазовских ненцев неоднократно проводились «ревизии» — переписи населения. Результаты их — «ревизские сказки», как и «исповедные росписи» местных церквей, дают представление о размере семей, числе трудоспособных мужчин и женщин в них, а также об объединениях семей для ведения хозяйства.

Судя по архивным материалам² и литературе, у северных селькупов и тазовских ненцев бытовали объединения производственного характера — производственные коллективы³. Именно такими объединениями были, на наш взгляд, отдельные стойбища-хозяйства тазовских селькупов, зафиксированные исповедной росписью 1801 г. Тазовской Николаевской церкви. Каждое из хозяйств включало обычно несколько семей. Одни производственные коллективы состояли из родственных, другие — из неродственных семей. Сопоставление исповедной росписи 1801 г. с ревизскими сказками 1832 г., учитывающими то же население, но по чумам (чум принадлежал, как правило, одной малой семье) показывает, что по численности производственный коллектив более чем в два раза превышал семью (табл. 1).

¹ Северные селькупы и тазовские ненцы и сейчас населяют эти районы. В настоящее время численность тазовских селькупов составляет 1200 чел., баишенских — 280 чел. (по сводкам 1976—1977 гг. Красноселькупского и Туруханского райстатуправлений). Численность ненцев в сводках 1972 и 1976 гг. Ямало-Ненецкого окрстатуправления указана общая с тундровыми ненцами. Примерное число тазовских ненцев — 300 чел.

² Основным источником для написания данной статьи послужили следующие материалы: Ревизские сказки 1796 г. — Государственный архив Красноярского края (далее — ГАКК), ф. 910, оп. 1, д. 6; Ревизские сказки 1832 г. — Там же, ф. 160, оп. 1, д. 164, л. 128—139; Исповедные росписи 1801 и 1828 гг. Тазовской Николаевской церкви. — Там же, ф. 182, оп. 1, д. 10, 19; статистические данные переписи 1897 г., обработанные С. К. Паткановым. — С. К. Патканов. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. II. СПб., 1911. Сведения, характеризующие хозяйство Севера в первые десятилетия XX в., извлечены из материалов Туруханской землеустроительной экспедиции 1936—1937 гг. (ГАКК, Туруханский филиал, ф. «Землеустроительная экспедиция 1936—1937 гг.», т. III). Использованы также полевые материалы автора, собранные в 1976—1977 гг., и литература.

³ Аналогичные хозяйственные коллективы бытовали и у других народов Севера и Сибири. В литературе их называли производственными объединениями, см., напр., «Общественный строй у народов Северной Сибири». М., 1970, гл. XIV.

Средняя численность семьи и производственного коллектива у тазовских селькупов в первой трети XIX в.

Основная учетная единица	Мужчины и женщины	Мужчины	Женщины	В том числе трудоспособные	
				мужчины	женщины
Хозяйство (производственный коллектив)*	14,6	7,7	6,9	4,1	3,8
Семья**	6,5	3,8	2,7	2,1	?

* Подсчитано по исповедной росписи 1801 г. Тазовской Николаевской церкви, учитывающей население по «юртам», т. е. стойбищам-хозяйствам.

** Подсчитано по ревизским сказкам 1832 г., учитывающим население по чумам.

В семье, как видно из табл. 1, было в среднем два трудоспособных мужчины, в производственном коллективе — четыре.

В XIX в. у северных селькупов и тазовских ненцев наряду с малыми семьями бытовали, как свидетельствуют данные исповедных росписей 1801 и 1828 гг., и большие семьи⁴. Нередко производственный коллектив и большая семья совпадали (см. табл. 2, графа 5).

В 1801 г. в среднем и верхнем течении р. Таз насчитывалось 69 селькупских и ненческих хозяйств⁵. Почти в половине их (47,8%) производственным коллективом была большая семья, в 7,2% — она составляла его основу, но использовался и труд посторонних мужчин (неродственников). В остальных хозяйствах (45%) производственный коллектив состоял из неродственных семей.

Таким образом, в XIX в. первичным производственным объединением у северных селькупов и тазовских ненцев было хозяйство, представлявшее собой целостный экономико-социальный микроорганизм. В качестве основных его признаков можно выделить: 1) производственный коллектив, члены которого зависели друг от друга; и 2) промысловую территорию, ресурсы которой планомерно осваивались этим коллективом. Следовательно, производственный коллектив — это объединение людей, связанных общностью трудовой деятельности в рамках одного хозяйства. Малая семья была, как правило, частью производственного коллектива, а большая семья составляла его основу. Если условия хозяйствования требовали создания производственных коллективов большей численности (например, у нганасан — 30—40 человек), могли возникать объединения из двух-трех больших семей.

В архивных документах встречается фамилия Сайготиных, обитавшая в бассейне р. Таз. В исповедных росписях 1801 и 1828 гг. упоминаются три большие семьи Сайготиных, которые жили в трех юртах (стойбищах). Перепись 1832 г. разделила эти три большие семьи на шесть малых (по количеству чумов). Численность Сайготиных в 1828 г. — 41 чел., в 1832 г. — 33 чел.

Иосиф Сайготин был главой одной из трех больших семей. Отец его умер, судя по материалам переписей, между 1801 и 1828 гг. В семье кро-

⁴ Вслед за Б. О. Долгих, большими семьями мы считаем такие семьи, в которых по отношению отца — главы семьи — было не менее двух его сыновей, братьев или племянников, достигших яса 10 лет и более, т. е. не моложе 25 лет. См.: Б. О. Долгих. К вопросу о соотношении большой и малой семьи у народов Севера в прошлом. — «Социальная организация и культура народов Севера», М., 1974, с. 23. Мы сочли возможным в число трудоспособных включить юношей, начиная с 16 лет, так как они наравне с мужчинами использовали средства к существованию.

⁵ В исповедной росписи 1801 г. сведения о тазовских селькупах и ненцах даны раздельно. Автор позволил себе объединить эти сведения, поскольку характеристики производственных коллективов у тазовских селькупов и ненцев в целом совпадают. Далее мы анализируем материал, исходя из общей численности селькупских и ненческих хозяйств.

ме Иосифа осталось еще три взрослых сына (один из них был женат). Права главы семьи Иосиф унаследовал как старший сын. В исповедной росписи 1828 г. он записан главой стойбища, после него в порядке родственного и хозяйственного соподчинения перечислены остальные члены семьи.

Мы рассматриваем эту семью как основу производственного коллектива, в котором кроме родственников по мужской линии были трудоспособные мужчины, не состоящие в родстве с Сайговыми. Переписи называли таких членов коллектива «подворниками». У Сайговыных было четыре подворника (два мужчины и две женщины), связанные с ними свойством через жену среднего брата, и один подворник, родство или свойство которого с этой семьей не прослеживается.

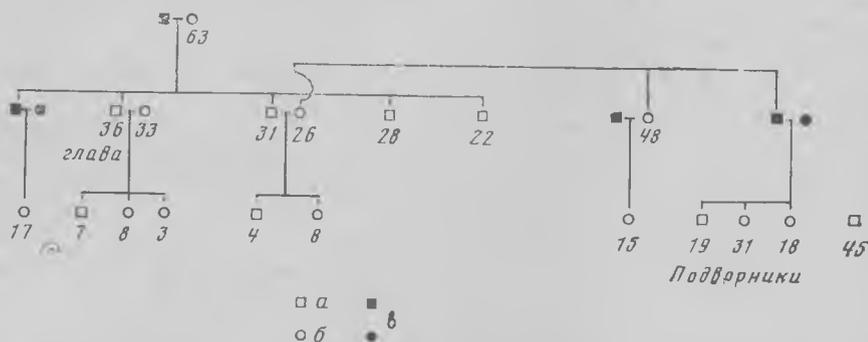

Схема производственного коллектива, возглавляемого Иосифом Сайговыми: *a* — мужчины; *b* — женщины; $\blacksquare$ — умершие. Цифры означают возраст (схема составлена по материалам исповедной росписи 1828 г.)

Обычно, как свидетельствуют материалы переписей, в подворники шли одинокие трудоспособные мужчины и женщины. Были случаи, когда несколько одиноких мужчин и женщин объединялось для ведения хозяйства, создавая свой производственный коллектив.

Значительно реже хозяйство велось силами одной малой семьи. Таких хозяйств в 1801 г. было 12 (из 69, т. е. 17,4%, причем в 11 хозяйствах было по одному трудоспособному мужчине, в одном — два). Особый интерес представляют производственные коллективы, состоящие из двух-трех неродственных малых семей. Трудность ведения хозяйства заставляла семьи с одним трудоспособным мужчиной объединяться между собой или с уже сложившимися производственными коллективами. При этом важно было иметь на определенное число членов коллектива нужное число трудоспособных мужчин (см. табл. 2, графы 2 и 6).

Таким образом, в хозяйстве северных селькупов и тазовских ненцев особенно ценились трудоспособные мужчины. Это связано со спецификой изучаемого региона. Издавна традиционными отраслями хозяйства здесь были рыболовство, охота на мясного и пушного зверя и транспортное оленеводство. Летом основной пищей служила рыба, поэтому стойбища располагались по берегам крупных рек. Ловили преимущественно рыбу неценных пород, впрок ее не заготавливали.

К ледоставу (конец октября) хозяйства перекочевывали в устье какой-либо небольшой реки, куда шли на нерест сигаевые. Это было место интенсивного лова, который продолжался до середины декабря. Такие рыболовные угодья эксплуатировались в течение 5—10 лет. Рыба здесь заготавливалась на зиму. Сразу после ледостава сооружался запор. Добытая рыба тут же замораживалась. Часть ее оставляли до весны в специальных хранилищах, часть увозили при дальнейших перекочевках. Параллельно вели и пушной промысел: охотники на два-три дня уезжали за белкой.

Таблица 2

Характеристика производственных коллективов у северных селькупов и тазовских ненцев *

Народ	Число						Соотношение трудоспособных мужчин и женщин	Число трудоспособных	
	трудоспособных мужчин	хозяйств	людей в них (%)	производственных коллективов, сопровождающих с большой семьей	лиц (женщин, стариков, детей) на одного трудоспособного мужчину	трудоспособных женщин		неженатых мужчин **	незамужних женщин **
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Северные селькупы, тазовские ненцы	1	11	61 (6,3)	—	4,5	1,9	0,5:1,0	0,4	0,7
	2	12	115 (11,8)	—	3,8	2,2	0,9:1,0	1,1	0,7
	3	12***	136 (13,9)	4	2,8	2,9	1,0:1,0	1,8	1,0
	4	7	91 (9,3)	7	2,3	3,7	1,1:1,0	2,4	1,6
	5	8***	148 (15,2)	5	2,7	3,8	1,5:1,0	2,1	1,6
	6	6	106 (10,9)	6	2,0	4,1	1,5:1,0	3,7	1,6
	7	6	141 (14,5)	6	2,3	5,8	1,4:1,0	4,6	1,6
	8	4***	96 (9,8)	2	2,0	7,8	1,0:1,0	5,0	4,0
	9	2	55 (5,6)	2	2,0	5,5	1,6:1,0	5,0	1,0
	10	—	—	—	—	—	—	—	—
	11	1	26 (2,7)	1	2,4	4,0	2,7:1,0	9,0	—
	—	69	—	33	—	—	—	—	—

* Подсчитано по исповедным росписям Тазовской Николаевской церкви за 1801 г.

** Более половины мужчин и женщин, не состоящих в браке, старше 30 лет. Вдовцы, вдовы и незамужние женщины, имеющие детей, в таблице не учтены.

*** Часть производственных коллективов состояла из неродственных семей.

В конце декабря хозяйства откочевывали к верховьям маленьких рек, в леса, богатые белкой. Эти места обычно примыкают к участкам открытых тундр, где во второй половине зимы начиналась охота на диких оленей⁶. Дикого оленя добывали гоньбой. Группа из нескольких мужчин преследовала стадо до тех пор, пока не удавалось загнать его в лес, в глубокий снег, где олени теряли подвижность⁷.

Охотничий сезон завершался к апрелю: шкурки белок становились непригодными, а олени уходили на север. Приблизительно к концу мая, когда заканчивался отел домашних оленей и вскрывались реки, хозяйства возвращались к местам летних стоянок. Маршруты кочевий пролегли по краям боров, изобиловавших глухариными токами, и вокруг тундровых болот, куда на первую талую воду устремлялись перелетные стаи гусей и уток.

Этот годовой хозяйственный цикл, равно как и способы рыбной ловли, охоты и содержания оленей⁸, был характерен для всей зоны северной тайги левобережья Енисея, примыкающей к ней подзоны бассейна р. Турухан и лесотундровой полосы бассейна р. Таз. Только на северной границе лесотундры по мере уменьшения лесной растительности беличий промысел уступал место песцовому.

Рассмотрим теперь вопрос о потребностях производственного коллектива в пищевых продуктах и оленьих шкурах и о возможностях их удовлетворения.

⁶ В. Н. Скалон. Оленеводство в бассейне реки Таз. — «Советский Север», 1931, № 3—4, с. 90; Е. А. Алексеенко. Кеты. Л., 1967, с. 47.

⁷ В. Н. Скалон. Указ. раб., с. 73; Е. А. Алексеенко. Указ. раб., с. 47. В настоящее время этот способ используется при охоте на лося.

⁸ Е. А. Алексеенко. Указ. раб., с. 40—45, 47—65; Полевые материалы автора.

Рыба занимала важное место в годовом рационе. По архивным данным 1924—1926 гг., размеры добычи ее на семью в пять человек составляли 500—600 пудов в год, т. е. в среднем 8—10 тыс. кг⁹. В целом же годовое потребление рыбы на семью колебалось от 3 до 15 тыс. кг. Такая цифра может показаться завышенной, однако расчеты подтверждают ее обоснованность. Взрослому мужчине требовалось пять чиров в сутки при среднем весе чира в 2 кг¹⁰ (не следует забывать, что более одной трети веса рыбы — голова, кости, внутренности — в пищу не идет). Приблизительно столько же было необходимо для питания жены и детей. Таким образом, семья из пяти человек за день потребляла примерно 20 кг рыбы.

С начала июня до конца ноября, в течение шести месяцев, мяса почти не было (только осенью был короткий период, когда охотились на боровую и водоплавающую дичь). Зимой и весной рыба, вероятно, составляла около трети пищевого рациона. Следовательно, примерно 200 дней в году рыба была основным продуктом питания. Годовая потребность на одну семью составляла в среднем 4 тыс. кг. рыбы. Еще 1 тыс. кг. шла на изготовление рыбной муки¹¹. Кроме того, часть рыбы заготавливалась впрок, часть шла на продажу. Поэтому норма добычи 500—600 пудов на семью из пяти человек представляется правильной. Цифра эта, конечно, варьировала в зависимости от численности семьи и соотношения рыболовства с другими отраслями хозяйства.

По данным В. Н. Скалона, для интенсивного лова требовалось объединение двух-трех малых семей. Такой производственный коллектив располагал необходимым набором сетей, запоров, неводов и лодок. Количество инвентаря определялось потребностями каждого хозяйства в рыбе, числом работников, наличием удобных для лова мест.

В. Н. Скалон указывал, что у селькупов коллективные формы лова преобладали в среднем течении р. Таз¹². Из исповедных росписей 1801 и 1828 гг. видно, что наиболее крупные производственные коллективы были у северной части тазовских селькупов, кочевавших по притокам среднего течения р. Таз между современными поселками Толька и Сидоровск. Видимо, решающим фактором в формировании производственных коллективов в летний и осенний периоды была специфика акваторий.

Система снабжения северных хозяйств рыбой, как показывают полые материалы, почти не менялась на протяжении XIX в., зато система обеспечения мясом и шкурами трансформировалась, видимо, значительно.

Во второй трети XIX в. в Северной Сибири произошло резкое сокращение поголовья диких оленей. Это было связано с развитием в тундровой полосе домашнего крупнотабунного оленеводства. Сыграло роль и прямое истребление дикого оленя. К началу XX в. в бассейнах Таза и Турухана остались лишь незначительные по численности стада диких оленей. Это были периферийные группы западного крыла таймырской популяции, зимовавшие в лесотундре близ этих рек¹³. Во второй половине XIX в. жители притундровой полосы Туруханского края были вы-

⁹ ГАКК, Енисейский филиал, ф. 214, оп. 1, д. 1; ф. 256, оп. 1, д. 3.

¹⁰ В. Н. Скалон. Рыбные промыслы в бассейне реки Таз.— «Советский Север», 1931, № 9, с. 43—44. Чир взят в качестве эквивалента, как одна из наиболее калорийных пород рыб бассейна Таза. Соответственно щук, карасей, окуней, сорог и пр. нужно было несколько больше для получения того же количества калорий.

¹¹ В. Н. Скалон. Рыбные промыслы в бассейне реки Таз, с. 61.

¹² Там же, с. 56.

¹³ В. П. Макридин, Б. М. Павлов. Распространение и численность дикого северного оленя в Ямало-Ненецком национальном округе.— «Дикий северный олень в СССР». М., 1975, с. 182—185; Ю. Б. Симченко. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976, с. 81; И. И. Крупник. Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненец.— «Сов. этнография», 1976, № 2, с. 63—64.

нуждены перейти от охоты на оленей (как основного источника существования) к интенсивному пушному промыслу. Пушнина в тот период была нужна не только для уплаты ясака, — она служила и обменным фондом при закупке привозного продовольствия, спрос на которое с каждым годом возрастал. Уже в первой четверти XX в. привозное продовольствие, поступавшее на Север через широкую сеть «хлебозапасных магазинов», составляло половину пищевого рациона населения Севера¹⁴.

С исчезновением диких оленей северные селькупы и тазовские ненцы лишились дешевых шкур для покрытия чумов и шитья одежды. Теперь, если в хозяйстве было мало оленей, приходилось закупать шкуры и готовые сокуи (верхняя меховая одежда). Приобретались также ткани для шитья весенней, летней и осенней одежды. Причем, как показывают подсчеты экономистов и архивные материалы, хозяйства, имевшие даже одного трудоспособного мужчину, могли добывать минимальное количество шкурок пушного зверя, необходимое для покупки нужного товара¹⁵.

Одежда шилась также из беличьих и заячьих шкурок. Об этом свидетельствуют и данные фольклора. Почти повсеместно у населения северной тайги и лесотундры распространен сюжет «Няймо пороку ира» — «Старик в заячьей парке».

Домашнее оленеводство в лесотундре развивалось гораздо медленнее, чем в тундре. В то время как в тундровой полосе к началу XX в. поголовье оленей достигло максимально возможного предела¹⁶, в бассейне р. Таз было известно только пять крупных оленеводческих хозяйств со стадами в 1—3 тыс. голов, в которых было сосредоточено более 8 тыс. оленей. В целом у тазовских селькупов в это время было, по нашим подсчетам, около 10—12 тыс. оленей, хотя оленеемкость пастбищ этой зоны позволяла держать до 40 тыс. животных.

В остальных хозяйствах развивалось транспортное оленеводство. Увеличивающийся пушной промысел требовал расширения осваиваемых территорий и мобильности не только самих охотников, но и хозяйств в целом, а, следовательно, и большего количества транспортных оленей. К середине 1920-х годов 50% селькупских семей имели от 10 до 100 оленей¹⁷, 5% — свыше 100 оленей, остальные 45% семей были малоолеными или безоленными. Их снабжали оленями крупные оленеводы в обмен на пушнину¹⁸.

Но даже семьи, имевшие от 50 до 100 оленей, не могли обеспечить себя необходимым количеством шкур. Семье из пяти человек ежегодно требовалось 40—50 шкур¹⁹, обычная же норма забоя домашних оленей без ущерба для основного стада — 20% поголовья²⁰. Следовательно, от 100 оленей можно было получить только половину нужного количества шкур.

¹⁴ И. И. Крупник. Питание и экология хозяйства ненцев Большеземельской тундры в 20-х годах XX в.— «Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов шира». М., 1976, с. 64—85.

¹⁵ В. Александров. Современное хозяйство баишского остяка.— «Советский Север», 1931, № 7—8, с. 73; ГАКК, Енисейский филиал, ф. 246, оп. 1, д. 3. Во второй половине 1920-х годов для покупки привозного продовольствия одной семье требовалось от 100 до 200 белок. Минимальная норма добычи была около 150 белок.

¹⁶ В. Г. Богораз. Северное оленеводство по данным хозяйственной переписи 1926—1927 гг.— «Сов. этнография», 1932, № 4, с. 45; Е. Е. Сыроечковский. Проблема дикого северного оленя в СССР на современном этапе.— «Дикий северный олень в СССР», с. 23; годовые отчеты совхозов «Полярный» и «Толькинский» Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа за 1975 г.

¹⁷ В. Н. Скалон. Оленеводство в бассейне реки Таз, с. 77.

¹⁸ Подробнее о взаимоотношениях крупных оленеводческих хозяйств с малоолеными см. В. И. Васильев. Возникновение элементов частнособственнического уклада у самодийских народов Обско-Енисейского Севера.— «Становление классов и государства», М., 1976, с. 314—341.

¹⁹ Ю. Б. Симченко. Указ. раб., с. 81; И. И. Крупник. Питание и экология хозяйства Большеземельской тундры в 20-х годах XX в., с. 79.

²⁰ В. Н. Скалон. Оленеводство в бассейне реки Таз, с. 78.

Переход от промысла дикого оленя к интенсивной охоте на пушного зверя повлек за собой изменения в использовании рабочей силы.

В лесотундре и северной тайге дикого оленя добывали, как уже говорилось, только гоньбой. Поколки на переправах через реки исключались, так как олени здесь появлялись зимой. Эффективность гоньбы зависела во многом от числа охотников. Нередки были случаи, когда участие в ней принимали женщины и дети²¹, но преследовать стадо в течение длительного времени могли, конечно, только мужчины. Поэтому становится понятной тенденция начала XIX в. к образованию производственных коллективов с несколькими трудоспособными мужчинами.

Для занятия же пушным промыслом концентрация в пределах хозяйственной территории большого числа охотников представляется, на первый взгляд, нерациональной, однако в конце XIX — начале XX в. и охотники были заинтересованы в создании производственных коллективов, но с меньшим числом трудоспособных мужчин. Как подсчитали специалисты, на добычу одной белки уходит в среднем около полутора часов²². Световой день в зимнее время — 6—7 часов, значит один охотник добывал за день в среднем 4—5 зверьков. Период зимнего промысла продолжается 90—100 дней. За это время хозяйство с одним трудоспособным мужчиной могло добыть примерно 400 белок.

Большие расстояния между местами летнего лова рыбы и зимними охотничьими угодьями делали пушной промысел в изучаемом регионе эффективным только при наличии транспортных оленей. Для одновременной перевозки семьи из пяти человек и одного чума нужно 18 оленей. Содержание даже такого небольшого стада требовало определенного труда. Окарауливание оленей в северной тайге и лесотундре не практиковалось. Олени уходили на значительные расстояния, и один-два раза в сутки их разыскивали по следам. Одному человеку было не под силу заниматься и пушным промыслом, и пригоном оленей. Поэтому в хозяйствах с одним трудоспособным мужчиной могло быть не более 15—20 оленей, причем обязанности по их содержанию ложились также на женщин и подростков (а женщина была занята и домашним хозяйством!).

Наличие в хозяйстве второго мужчины позволяло держать около 50 оленей²³. Потребность в третьем трудоспособном мужчине (с учетом существовавших норм добычи пушнины) возникла только при содержании стада приблизительно в 100 оленей.

Исчезновение диких оленей, становление домашнего оленеводства и, главное, активно развивавшиеся в XIX в. товарно-денежные отношения существенно изменили экономику северного хозяйства. Следствием этого явились изменения и в распределении мужского труда, и в демографической структуре семьи и производственного коллектива.

За исследуемый период средняя численность семьи сократилась. Так, в 1832 г. у тазовских селькупов и тазовских ненцев семья состояла из 6,5 человек, в 1897 г. — из 5,6, а в 1936 г. — из 5,2. Аналогичная картина наблюдается и у других этнических групп Туруханского Севера. У елогуйских кетов, например, в 1821 г. в семье было 7,7 человек, в 1897 г. — 5,4, в 1936 г. — 4,2²⁴. Причиной этого было изменение демографической структуры населения в целом — снизился процент трудоспособных мужчин и женщин, хотя общая численность населения и семей возросла.

²¹ Е. А. Алексеевко. Указ. раб., с. 47.

²² В. К. Мельников, М. П. Тарасов. Трудоемкость освоения темнохвойных угодий при ружейной добыче белки и соболя. — «Проблемы охотничьего хозяйства Красноярского края». Красноярск, 1971, с. 73.

²³ Обычная рабочая нагрузка на одного пастуха на пастбищах в бассейне Таза — около 100 оленей (по данным отчета совхоза «Голькинский» за 1976 г.).

²⁴ Исповедная роспись 1821 г. Верхнеинбатской Успенской церкви (ГАКК, ф. 241, оп. 1, д. 10); ревизские сказки 1832 г.; С. К. Патканов. Указ. раб.; сведения о численности семьи в 1936 г. содержатся в материалах Туруханской землеустроительной экспедиции 1936 г.

В 1801 г. тазовских селькупов насчитывалось 773 чел. (около 115 семей), в 1926 г. — 908 чел. (162 семьи). Тазовских ненцев в 1801 г. было 104 чел. (примерно 30 семей), в 1926 г. — 263 чел. (47 семей). Численность елогуйских кетов в 1821 г. — 186 чел. (24 семьи), в 1936 г. — 338 чел. (81 семья)²⁵. В 1801 г. у тазовских селькупов трудоспособных мужчин было 53,9%, женщин — 52,9%; в 1936 г. трудоспособных мужчин стало 44,1%, женщин — 47,4%. У елогуйских кетов в 1921 г. трудоспособных мужчин и женщин было по 50,0%, в 1936 г. трудоспособных мужчин — 40,6%, женщин — 35,0%²⁶.

Для того, чтобы понять причины этого явления, обратимся вновь к материалам исповедной росписи 1801 г. Тазовской Николаевской церкви. Рассмотрим соотношение числа трудоспособных мужчин и женщин (табл. 2, графа 8) в производственных коллективах того времени.

У северных селькупов и тазовских ненцев можно выделить три типа хозяйств. Первый — хозяйства с одним трудоспособным мужчиной, где соотношение трудоспособных мужчин и женщин выглядит как 0,5 : 1,0. Второй — хозяйства, имевшие двух-четырёх трудоспособных мужчин, соотношение их и трудоспособных женщин 1,0 : 1,0. И, наконец, третий тип — хозяйства с пятью-девятью трудоспособными мужчинами, в них соотношение трудоспособных мужчин и женщин 1,5 : 1,0. Эти данные свидетельствуют о том, что в крупных производственных коллективах часть работников не имела собственной семьи (табл. 2, графы 9 и 10).

Трудоспособные неженатые мужчины (в основном сыновья или братья главы семьи, реже «подворники») составляли в 1801 г. 60% всех трудоспособных мужчин, женщины (дочери или сестры главы семьи) — 37% трудоспособных женщин. Учитывая некоторое преобладание численности мужчин (соотношение мужчин и женщин 1,15 : 1,00), можно считать, что примерно 20% женщин репродуктивного возраста имели внебрачных детей, а 37% не участвовали в воспроизводстве населения, т. е. в воспроизводстве населения участвовало 40% мужчин и 63% женщин репродуктивного возраста.

Жизнеспособность семьи находилась в прямой зависимости от труда неженатых мужчин, которые наравне с женатыми добывали средства к существованию, но значительно меньше в них нуждались. Производственный коллектив был, следовательно, необходимым условием существования малой семьи. Формирование новых семей было затруднено ограниченностью экономической базы. С развитием хозяйства, проникновением в него товарно-денежных отношений, положение изменилось. В начале XX в. малая семья могла существовать за счет труда одного мужчины. Это способствовало образованию новых семей и росту воспроизводства.

Рассмотренные материалы позволяют утверждать, что в начале XIX в. жизнеспособный производственный коллектив в условиях северной тайги и лесотундры составляла семья с тремя трудоспособными мужчинами. В этом случае имелись предпосылки и для интенсивного освоения угодий, и для воспроизводства самого коллектива. Хозяйства, имевшие меньшее число трудоспособных мужчин, не могли развить активную хозяйственную деятельность. Здесь мы сталкиваемся с понятием минимума и максимума производственного коллектива. В максимальном,

²⁵ Исповедная роспись 1801 г. Тазовской Николаевской церкви; исповедная роспись 1926 г. Верхнеинбатской Успенской церкви; сведения о численности семьи в 1926 г. см.: *Г. Н. Прокофьев*. Селькупская грамматика. Л., 1935, с. 4; в 1936 г. — материалы Туруханской землеустроительной экспедиции 1936 г.

²⁶ Исповедная роспись 1801 г. Тазовской Николаевской церкви; исповедная роспись 1921 г. Верхнеинбатской Успенской церкви; материалы Туруханской землеустроительной экспедиции 1936 г. Последние оказались весьма важными для этих расчетов. Собиравшаяся в период подготовки и начала проведения социалистических преобразований на Крайнем Севере, они содержат как бы итоговые данные о процессах, происходивших в Туруханском крае в XIX — начале XX в.

созданном на базе большой семьи, было девять трудоспособных мужчин. Это был предел, достигнув которого коллектив вынужден был делиться, иначе ресурсы среды оказывались меньше его потребностей. В начале XX в. производственный коллектив, как можно судить по материалам С. К. Патканова, состоял в основном из двух-трех малых семей.

В конце XIX — начале XX в. в северное хозяйство, как уже говорилось, все активнее вторгались капиталистические отношения. В этот период большинство хозяйств промыслового направления было лишено возможности самостоятельно сбывать пушнину и покупать промышленные товары и продовольствие. Охотники не могли в середине зимы в самый разгар пушного промысла тратить время на поездки на ярмарку. Сказывалась также нехватка оленей. Поэтому торговые операции по покупке пушнины и перепродаже ее на ярмарках вели оленеводческие хозяйства, располагавшие оленями для снаряжения больших «аргишей». С ярмарки они привозили необходимые товары и перепродавали их. Кроме того, все оленеводческие хозяйства в обмен на пушнину давали оленей в аренду (реже продавали) малооленным и безоленным семьям.

Это были два направления деятельности, за счет которых оленеводческие хозяйства получали прибавочный продукт²⁷. Каждое из крупных оленеводческих хозяйств занимало свои пастбищные территории и втягивало в товарооборот примыкавшие к ним хозяйства²⁸.

В качестве примера можно привести хозяйство Сээки Каргачева, кочевавшего в бассейне рек Каральки и Ватыльки — левых притоков верхнего течения р. Таз. Каргачевы появились на берегах Таза в конце XVIII в. В 1801 г. их насчитывалось 11 человек (1 семья), в начале XX в. — уже свыше 70 человек (9 семей). Они занимали промысловые территории по рекам Каралька и Ватылька и считались богатыми оленеводами — у них было стадо в 1000 оленей.

Сээка Каргачев возглавлял производственный коллектив, состоявший из 25 человек, в числе которых было 12 трудоспособных мужчин (сыновья и зятья Сээки).

В середине зимы часть мужчин оставалась со стадом, остальные выезжали в Туруханск на ярмарку. Поездка занимала около двух месяцев. На ярмарке сбывалась пушнина и закупались промышленные товары и продовольствие. По возвращении, обычно в январе, в районе современной фактории Кики-Акки происходил торг: привезенные товары обменивались на пушнину. Сюда съезжались семьи, промышлявшие по притокам Каральки и Ватыльки.

Кроме того, Сээка в обмен на пушнину снабжал оленями нуждавшихся в них охотников. Промысловые хозяйства, занимавшие территории по берегам Каральки и Ватыльки, оказались втянутыми в круг торгово-ростовщической деятельности Сээки. Отношения Сээки с окрестным населением определялись лишь экономическими интересами. Даже родственники Сээки, в том числе и родные братья, не входившие в состав его производственного коллектива, находились в экономической зависимости от него²⁹.

Хозяйство Сээки выполняло роль как бы промежуточного звена между российским торговым капиталом и промысловыми хозяйствами коренного населения. Оно не могло существовать в отрыве от них, но и последние не могли обеспечить себя необходимыми товарами без него.

---

²⁷ Оленеводческие хозяйства в бассейне р. Таз не имели такого количества оленей, чтобы обеспечить свои производственные коллективы продукцией оленеводства. Олени здесь использовались скорее как торговый капитал. См.: В. Н. Скалон. Оленеводство в бассейне р. Таз; *его же*. В тундрах Верхнего Таза.— «Советский Север», 1930, № 3, с. 134—139; Полевые материалы автора.

²⁸ В. Н. Скалон. В тундрах Верхнего Таза; Полевые материалы автора.

²⁹ Полевые материалы автора.

То же происходило и с остальными оленеводческими хозяйствами бассейна р. Таз.

Таким образом, в бассейне р. Таз формировались хозяйственные комплексы, экономическим центром которых были оленеводческие хозяйства, присваивавшие в силу своей торгово-ростовщической деятельности значительную часть прибавочного продукта промысловых хозяйств. Это уже была принципиально иная форма экономики и общественных отношений³⁰.

Рассмотренные материалы позволяют сделать следующие выводы. В начале XIX в. экономика хозяйств населения северной тайги и лесотундры северо-запада Туруханского края в значительной степени зависела от природной среды. В этих условиях малая семья с одним трудоспособным мужчиной не могла существовать. Чтобы обеспечить ее всем необходимым — жильем, питанием, одеждой — нужен был труд нескольких взрослых мужчин, т. е. производственный коллектив. В общей продукции, добытой этим коллективом, 60% составляла продукция неженатых мужчин. В силу ограниченности ресурсов природной среды это было необходимое условие для воспроизводства населения. Точнее, воспроизводство было возможно только при наличии прибавочного продукта, который создавался трудом неженатых мужчин. Соответственно и часть женщин оставалась без брачных партнеров³¹.

Следовательно, специфика добычи средств к существованию определяла в известной степени характер демографической структуры производственных коллективов и населения в целом, снижая темпы его воспроизводства. На протяжении XIX в. под влиянием изменявшихся экономических и демографических факторов наряду с сокращением численного состава производственных коллективов наблюдалось увеличение их числа.

К началу XX в. хозяйства в данном регионе (как и во всей Северной Сибири) уже не были натуральными. Налицо была жесткая зависимость их от привозных промышленных товаров и продовольствия. Хозяйства были втянуты в орбиту капиталистических отношений. Соответственно, и демографические процессы оказались подверженными влиянию не только природной среды, но и внешних факторов, связанных (через российский торговый капитал) с социально-экономическим развитием страны.

Использование привозных товаров и продовольствия сократило долю необходимого труда неженатых мужчин. В связи с этим изменилась демографическая структура производственного коллектива и появилась возможность для включения в воспроизводство населения большего числа мужчин и женщин. Темпы воспроизводства населения стали высокими.

Именно в этом нарушении эколого-экономического равновесия мы склонны видеть одну из основных причин довольно ощутимого изменения демографической структуры и прироста населения притундровой полосы Туруханского Севера, произошедших в XIX — первой трети XX в.

³⁰ В. И. Васильев отмечает, что в районах обитания лесных энцев владельцами таких оленеводческих хозяйств становились и русские купцы, см. *В. И. Васильев. Система оленеводства лесных энцев и ее происхождение.* — «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», в. XXXVII, М., 1962, с. 65—75.

³¹ Само собой разумеется, что автор ни в коем случае не сбрасывает со счета другие исторические и биологические факторы, влиявшие на численность и половозрастной состав населения.